Жозеф Мармет

Томагавк и шпага

Историко-приключенческий роман

Жозеф Марметт

Томагавк и шпага

«Автор»
2026

Марметт Ж.

Томагавк и шпага / Ж. Марметт — «Автор», 2026

Северная Америка XVII века. Здесь французские поселения выживают под угрозой ирокезских набегов, а судьбы людей решаются в дыму пожаров, среди лесных троп и на стенах осаждённых крепостей. В первой части романа Жозеф Марметт переносит читателя в Новую Францию, где трагедия гуронского народа переплетается с историей Чёрного Лиса и шевалье де Морнака. Во второй — английская эскадра приближается к Квебеку, и городу предстоит выдержать осаду. На страницах книги оживают губернатор Фронтенак, адмирал Фипс и отважный Франсуа де Бьенвиль. Схватки, отчаянные вылазки, верность товарищам и жажда мести складываются в напряжённое повествование о времени, когда честь могла стоить человеку жизни. «Томагавк и шпага» — приключенческая историческая проза, соединяющая подлинные события колониальной Канады с драматическими судьбами героев.Оригинальное произведение является объектом общественного достояния.

© Марметт Ж., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 19

Жозеф Марметт
Томагавк и шпага

ЖОЗЕФ МАРМЕТТ
ТОМАГАВК

И ШПАГА
Квебек

Типография Леже Бруссо

1877

Зарегистрировано в соответствии с Актом парламента Канады в 1877 году Жозефом Марметтом в ведомстве министра сельского хозяйства в Оттаве.

Часть первая. Томагавк

Рассеяние гуронов

Когда вы покидаете бассейн Сен-Тома-де-Монманьи и поднимаетесь вверх по реке, держась южного берега, приблизительно в половине лье выше по течению вы замечаете небольшую речку, несущую свои мутные воды в реку Святого Лаврентия: это река Лакай, близ устья которой некогда стояло первое селение Сен-Тома.

От этого первоначального поселения, носившего название Пуэнт-а-Лакай, у подножия обрыва сохранилось лишь несколько камней, наполовину скрытых землёй и некогда составлявших часть стен старой церкви, построенной и освящённой в 1686 году на участке, который сьер Гийом Фурнье пожаловал местному миссионеру, мессиру Морелю.

Спустя столетие после возведения маленького храма в Пуэнт-а-Лакай здешние жители, увидев, что волны размыли уже около дюжины арпанов обрыва и вскоре грозят поглотить как часовню, так и дома деревушки, окончательно покинули столь опасное место и отправились на пол-лье ниже по течению строить другую церковь и новые жилища там, где ныне стоит большое селение Сен-Тома.

В 1664 году в Пуэнт-а-Лакай было всего два или три дома довольно убогого вида. Поселение едва начинало существовать, и после прибытия первых колонистов должно было пройти ещё добрых пятнадцать лет, прежде чем в 1679 году сочли нужным завести там метрические книги.

Сеньория Ривьер-дю-Сюд, первоначально принадлежавшая господину де Монманьи, которому король пожаловал её 5 мая 1646 года, переходила затем от Адриена Юо к Луи Теандру де Лотбиньеру, а потом к Муайену Дешану, уступившему её Луи Куйяру де Л'Эпине. Что касается фьефа Сен-Люк, ныне Сен-Тома, то он находился внутри сеньории Ривьер-дю-Сюд и был пожалован в 1653 году Ноэлю Морену, который умер в 1680 году в доме своего сына Альфонса, поселившегося в Пуэнт-а-Лакай.

Их многочисленные потомки носят фамилию Морен-Валькур.

Те, кто знаком с нашей историей, знают, как была устроена система основания приходов в зарождавшейся колонии Новой Франции. Король жаловал фьеф тому из своих подданных, кого считал достойным, а тот взамен при каждой перемене владельца был обязан приносить короне клятву верности и оммаж, представлять признание владения и его опись, а также уплачивать квинт и прочие положенные сборы.

Этот сеньор делил свой фьеф на фермы и сам предоставлял их за один или два су с арпана и половину мино пшеницы за весь пожалованный участок. Цензитарии взамен были обязаны молоть зерно на сеньориальной мельнице, отдавать сеньору четырнадцатую часть муки в качестве платы за помол и при отчуждении земли платить в качестве сбора «лодс и вант» двенадцатую часть её стоимости.

Хотя первоначально сеньоры в Канаде обладали грозным правом высшей, средней и низшей юрисдикции, они прибегали к нему лишь изредка, и история не знает ни одного злоупотребления с их стороны. По правде говоря, наши сеньоры были скорее арендаторами правительства, чем подобием тех средневековых феодалов и тиранов, которые обращались с народом как с презренным стадом рабов, облагавшихся поборами и принуждавшихся к барщине по первому произволу.

Поэтому, как говорил Фронтенак в 1673 году, король желал, чтобы на них впредь смотрели лишь как на держателей пожалованных владений и полезных сеньоров. Можно сказать, что при обстоятельствах той эпохи эта система колонизации была одной из лучших, какие только можно было применить, поскольку сеньоры были чрезвычайно заинтересованы в привлечении поселенцев в свои фьефы и хорошем обращении с ними, чтобы число их быстро росло.

В те тяжёлые времена, к которым относится наш рассказ, в каждом небольшом селении имелся форт, где жители укрывались в случае нападения, чтобы дать отпор отрядам ирокезов, непрестанно рыскавшим по всей колонии. Такой форт представлял собой ограду из частокола и обычно занимал середину селения. Нередко он окружал усадьбу сеньора, а иногда его защищали небольшие пушки, которых индейцы очень боялись.

В 1664 году в Сен-Тома ещё не было постоянно жившего там сеньора, и господин Луи Куйяр де Л'Эпине должен был построить себе усадьбу возле бассейна лишь много лет спустя. Дом госпожи Гийо, самый старый и самый большой в этих местах, был защищён оградой из частокола высотой около пятнадцати футов, охватывавшей и сам дом, и амбар, и все хозяйственные пристройки, расположенные на левом берегу реки Лакай.

Шесть часов вечера.

Пока хозяйка дома, госпожа Гийо, расставляет тарелки на большом квадратном столе посреди кухни, а жена Жонкаса, арендатора фермы, почти скрывшись под высоким каминным колпаком, сосредоточенно следит за приготовлением омлета с салом, мадемуазель Жанна де Ришкур и шевалье де Морнак, недавно прибывшие из Франции, вместе с Луи Жолье, которому позднее предстояло прославиться открытием Миссисипи, молча наблюдают закат.

Пылающим огненным шаром светило клонилось на запад, к вершинам Лаврентийских гор, за которыми ему вскоре предстояло скрыться. Ярко освещённая вершина мыса Турмант вырисовывалась, словно огромная диадема с зубцами из пылающего золота, подобного гвинейскому, тогда как подножие мыса почти терялось в тени. Казалось, это великий дух реки преклонил колени на берегу своих владений, погрузив голову в розовые облака заката.

На всём шестильёвом пространстве, разделявшем здесь два берега, огромная огненная полоса охватывала реку, воды которой, казалось, кипели от этого жгучего прикосновения.

На горизонте, над солнцем и горами, в небе простирались большие красные облака, отороченные сияющими медными оттенками, словно длинные пурпурно-золотые знамёна, отблески которых окрашивали розовым вершины гор и неровные спины островов, казавшихся плывущими посреди реки Святого Лаврентия.

В таком освещении эти островки походили на гигантских красноватых китообразных, внезапно поднявшихся из воды, чтобы полюбоваться дивным зрелищем: царь природы заходил среди своего двора, окружённый всем великолепием своей славы. На исходе дня, как и на заре, вся природа трепещет от такого избытка жизни, что даже неодушевлённые предметы

кажутся нам движущимися, словно приветствуя могущественное светило, которому Бог поручил оплодотворять землю.

Но вот солнце опускается и скрывается за горами, которые постепенно темнеют. Лишь красные и золотистые облака, окутывающие горизонт, благодаря своей высоте ещё принимают отражение солнечных лучей и сохраняют яркие краски.

Но по мере того как светило погружается в тогда ещё неведомые северо-западные края, озарённые им тучи постепенно меняют багряно-красный цвет на розовый, бледно-розовый — на светло-жёлтый, и последние их сияющие белые клочья гаснут возле первой звезды, слабый свет которой загорается в глубине небосвода, во мраке наступающей ночи.

— Ну же! Мадемуазель и господа, ужин подан, — произнесла госпожа Гийо, хлопнув в ладоши, чтобы вывести гостей из задумчивости. И все уселись вокруг стола, на обоих концах которого дымились пышные омлеты с золотистыми хрустящими крапинками.

Когда гости встали из-за стола, день уже уступил место ночи, спокойно и безмятежно распростёршейся над окружающими дикими краями.

Вставая из-за стола, Жолье отнёс свой стул к стене, вплотную к одному из окон, выходивших на север, затем быстро подошёл к окну и воскликнул:

— О! Подойдите же, посмотрите, какое прекрасное северное сияние!

Все бросились к окнам и смогли созерцать волшебное зрелище, которое небо в тот вечер подарило земле.

Сначала ровное и однородное, большое белое сияние, поднимавшееся с севера в небо, распалось на миллионы светящихся, словно бахромчатых полос, подобных бесчисленным сталактитам, свисающим со сводов чудесных пещер, на которых свет факелов играет бесконечными искрами.

Эти большие потоки сияющей белизны пришли в движение и стремительно побежали по тёмному небу. То с быстротой взлетающей ракеты они разворачивались в небосводе, словно огромные ленты белого переливчатого атласа, волновавшиеся на фоне ночной темноты серебристыми отблесками. Потом, словно колеблемые таинственным дуновением, они некоторое время покачивались над потемневшей землёй и вдруг сворачивались в себя с быстротой угасающей молнии.

Возвращая свой первоначальный ровный оттенок, они разворачивались над горизонтом, словно широкий тюрбан, обвивший голову земного шара и заставлявший сверкать в бесконечности свою небесную ткань, кое-где прошитую золотыми нитями, которыми казались звёзды, мерцавшие сквозь эти воздушные свечения.

То они отчётливо разделялись и, подобно безумной толпе исполинских духов, устремлялись ко всем четырём концам горизонта, образовывали гигантскую цепь и плясали вокруг миров самую фантастическую и неистовую хороводную пляску.

Они кружились так быстро, что от одного взгляда на них начинала кружиться голова, как вдруг этот огромный движущийся круг сжимается, стягивается ещё теснее, сужается к середине и замирает неподвижно, но всё так же светясь посреди неба, где он образует громадное солнце, бесчисленные лучи которого посылают во все стороны дрожащие стрелы.

Сначала тёмный, центр этого эфемерного светила вскоре приобретает красноватый оттенок, который в мгновение становится багряным, между тем как внутри странного солнца вспыхивает яркий метеор, взрывается, падает к земле, оставляя за собой мимолётный трёхцветный след — жёлтый, зелёный и красный, — и исчезает вдали, ниже по течению реки, которая на миг багровеет огненным цветом, а затем вновь погружается в ночной мрак.

И, словно получив сигнал к отступлению, круг с трепещущими наверху лучами разрывается, потоки прозрачного света рассеиваются и гаснут в воздухе, преследуемые кровавым сия-

нием центра, которое растёт, сгущается и победоносно разливается под бездонным куполом небес, ещё долго в течение ночи сохранявшим этот устрашающе красный цвет.[1]

Зрители этого величественного зрелища хранили молчание всё время, пока оно продолжалось.

Когда метеор погас в реке, Морнак воскликнул:

— Вот это великолепно!

— Это зрелище и в самом деле прекрасно до ужаса, — отвечала мадемуазель де Ришкур. — Оно напоминает мне те явления, которые предшествовали землетрясению прошлой зимой. Да убережёт нас Бог в нынешнем году от подобных потрясений.

— Неужели это было так страшно? — спросил Морнак.

— О! Да! — ответила она.

— Тогда не расскажете ли вы мне об этом?

— С большим удовольствием, кузен. Прежде всего знайте, что осенью 1662 года небо, казалось, предупреждало нас явлениями, похожими на сегодняшние, но ещё более грозными. «Среди стремительных и ярких переливов северного сияния огненные метеоры в виде пылающих змей переплетались друг с другом и летали по воздуху, словно на огненных крыльях.

В Квебеке все могли видеть огромный огненный шар, светивший среди ночи почти как днём, и любоваться им было бы весьма приятно, если бы искры, которые он разбрасывал во все стороны, не примешивали к удовольствию страх. Жители побережья Бопре заметили подобный шар, простиравшийся над их полями, словно большой город, охваченный пожаром. Их ужас был чрезвычайно велик, ибо они решили, что он вот-вот всё подожжёт.

Такой же метеор появился над Монреалем, но казалось, будто он вылетел из самой луны под грохот пушек и звуки труб, и, пройдя по воздуху три лье, наконец исчез за большой горой, по имени которой назван этот город».[2]

Эти явления продолжались ещё некоторое время зимой, пока не наступил Жирный понедельник, пришедшийся на пятое февраля. «День был ясный и безмятежный.

Многие уже принялись праздновать карнавал обычными развлечениями, когда около половины шестого вечера по всей стране почувствовали дрожание земли, сопровождавшееся шумом, подобным тому, какой произвели бы тысячи тяжело нагруженных карет, стремительно катящихся по булыжной мостовой.

Вскоре к этим двум звукам примешались сотни других: то слышался треск огня на чердаках, то раскаты грома или рёв волн, разбивающихся о берег; иногда казалось, будто на крыши обрушивается град камней; земля устрашающе поднималась и опускалась; двери с шумом распахивались и захлопывались; звонили церковные колокола и часовые механизмы; дома раскачивались, словно деревья под порывами сильного ветра; мебель опрокидывалась, печные трубы рушились, стены покрывались трещинами; речной лёд толщиной в три или четыре фута вздымался и ломался, как при внезапном и бурном ледоходе.

Домашние животные выражали свой страх криками и воем; даже рыбы были напуганы, и среди всех этих разноголосых звуков в Труа-Ривьере слышался хриплый свист морских свиней, которого там прежде никогда не слышали».

— Да, должно быть, это было страшно, — с улыбкой сказал Морнак. — Но из ваших прелестных уст даже эти подробности звучат восхитительно.

— Не насмехайтесь, шевалье, ведь, каким бы храбрецом вы ни были, вы испугались бы не меньше тех, кто стал свидетелем этого потрясения. «Хотя никто не пострадал и ни один

---

[1] Известно, что 1653 и 1664 годы были примечательны в Канаде небесными и земными явлениями, которые поразили удивлением и даже ужасом всех современников.

[2] Сообщение отца Жерома Лалемана.

дом не был разрушен, людьми овладела мысль, что наступает конец света; считая себя уже на пороге вечности, каждый готовился к Страшному суду.

Жирный вторник и Пепельная среда напоминали Пасху по многочисленности людей, приступавших к святому причастию, и на протяжении всего Великого поста можно было наблюдать самое назидательное зрелище».[3]

— И вы полагаете, что небесные явления, наблюдавшиеся предыдущей осенью, были предвестниками землетрясения?

— Почему бы и нет?

— Значит, и сегодняшние явления тоже предвещают нам какое-нибудь несчастье? — с улыбкой продолжал недоверчивый Морнак.

— Послушайте, кузен, если хотите мне поверить, не шутите с этим, — с самым серьёзным видом ответила мадемуазель де Ришкур.

— Это правда! — подтвердила госпожа Гийо.

Заметив, что его насмешливость, по-видимому, неприятно задела дам, Морнак более серьёзным тоном обратился к Чёрному Лису, одному из гуронских вождей, избежавшему ирокезского томагавка и с самого ужина не произнёсшему ни слова, по-прежнему устремляя глаза к багровому небу:

— А вы, вождь, что думаете обо всём этом?

Помолчав немного, гурон ответил:

— Бедный индеец не обладает всеми знаниями белого человека, и его верования, хотя он тоже христианин, во многом отличаются от твоих. Ты, несомненно, видишь в этих знамениях лишь последствия, вызванные естественной причиной.

Но мои отцы учили меня, и я почитаю их наставления, что эти сияющие духи, которые по вечерам носятся в царстве облаков, суть души наших предков, тревожащиеся там, наверху, чтобы предупредить своих внуков о близкой опасности. Когда враги изгнали нас с берегов большого озера, где теперь белеют высохшие кости всех, кто был нам дорог, наши племена задолго до того получили предостережение в подобных знамениях.

Но Великий Дух поразил своих сыновей слепотой. Подобно старцам, которые на закате жизни уже не могут различить свет огня в собственном жилище, мы были ослеплены.

Вместо того чтобы быть настороже, мои братья, несмотря на мои советы и советы некоторых старейшин, позволили врагу застать себя врасплох, и великий гуронский народ был разгромлен, а немногие уцелевшие были оторваны от земли, любимой их отцами, и рассеяны вдали, словно лесная листва под могучим дыханием осенних ветров.

— Я и в самом деле слышал о несчастьях вашего народа, — сказал Морнак, уже оставивший насмешки. — Но мне хотелось бы услышать рассказ о них из уст одного из участников этой трагедии. Однако я боюсь вновь пробудить вашу боль, попросив вас об этом.

Гурон задумался и сказал:

— Побеждённый воин должен порой вспоминать о своих поражениях, чтобы научиться избегать новых, и помнить зло, причинённое ему врагами, чтобы не забыть, что месть сладка сердцу пострадавшего, пока в нём остаётся хоть одно биение жизни. Ты ещё молод, сын мой, и слова воина, который по возрасту и опыту мог бы быть тебе отцом, послужат тебе полезным уроком, когда тот расскажет о гибели народа, некогда владевшего этими землями.

Пока гурон разговаривал с Морнаком, дамы уселись возле пылавшего в камине огня, причём Жанна де Ришкур устроилась рядом с госпожой Гийо. Морнак прислонился к стене у окна возле Жолье. Чёрный Лис опёрся на одну из боковых стенок камина. Стоя там с лицом, наполовину освещённым отблесками очага, и глядя прямо на слушателей, он начал глубоким, серьёзным голосом:

---

[3] См. свидетельства того времени.

«— Лес успел позеленеть над моей юной головой лишь четыре раза, когда великий вождь белых, которого они называли Шампленом, пришёл основать на мысе Стадакона большое селение, покинутое нами на рассвете только что угасшего дня. С тех пор зима шестьдесят раз белила леса.

«Наш народ, народ уэндатов, которых белые назвали гуронами, был могущественнее всех племён, населявших охотничьи земли Канады. Оружие и многочисленность его воинов внушали уважение далеко вокруг. И всё же малочисленный народ ирокезов осмеливался скрещивать свои томагавки с нашими и даже не боялся нападать на нас.

Их воинов было меньше, но они были сплочённее, бдительнее, хитрее и жесточе наших, предпочитавших охотничьи вылазки бесконечным походам по тропам войны. Пусть мои белые братья не думают, будто в бою наши воины уступали храбростью, силой или ловкостью воинам Пяти кантонов. Мои братья ошиблись бы.

Но в конце концов мой народ погубило то, что Великий Дух всегда давал своим гуронским детям более мягкие сердца и глаза, менее жадные до вида крови, чем нашим врагам. Пока ирокезы без страха прятались возле наших селений, чтобы добыть несколько скальпов, наши воины, мечтавшие о большой охоте на карибу, порой позволяли застать себя врасплох даже в собственных хижинах.

«Мы ещё превосходили всех числом и силой, когда летом, последовавшим за прибытием могущественного белого вождя, мой отец Даронталь, бывший великим военным предводителем нашего народа, попросил вашего вождя сопровождать с несколькими белыми солдатами наших воинов в походе против ирокезских Пяти кантонов. Ваше чудесное и грозное оружие, тогда ещё неизвестное детям леса, должно было очень помочь нам, повергнув врагов в ужас. Так и случилось.

Как только ирокезы увидели вспышки и услышали гром, вырывавшийся из вашего оружия и сеявший смерть в их рядах, они бежали в леса, где наши воины преследовали их далеко. Я помню, как отец рассказывал об этой победе, когда по возвращении повесил на шесте вигвама скальпы убитых им врагов».

При воспоминании о подвигах отца смуглое лицо Чёрного Лиса озарилось благородной гордостью. Казалось, его глаза, в которых отражались языки пламени очага, сами метали огонь. Помолчав несколько мгновений, он продолжил:

«— Я продолжал расти, и мои глаза уже десять раз видели, как тает снег вокруг наших хижин, когда великий белый вождь пришёл провести зиму под кровом вигвама моего отца Даронталя.[4] Это было после второго похода против наших врагов ирокезов. Он оказался менее удачным, чем первый, и нашим пришлось вернуться домой, хотя они и убили немало врагов.

Сезон снегов был близок, и наши воины не решились сопровождать вашего капитана до Стадаконы. Они убедили его провести зиму в одном из своих селений. Ваш вождь выбрал Кархагубу, потому что там жил мой отец, его друг. Это было самое большое селение аттиньяонантанов.

«Тогда-то я и увидел его, прославленного капитана, который знал всё, что Великий Дух дозволяет знать людям. Слава о его имени и могуществе уже давно достигла слуха женщин, детей и стариков нашего народа, ещё не видевших его. Все семьи селения вышли ему навстречу. Гонцы заранее возвестили нам о его скором прибытии.

Когда он появился, нам словно не хватало глаз, чтобы наглядеться на него, и каждый восхищался его представительной наружностью, странным и грозным оружием и богатой одеждой.

«За ту зиму, которую он провёл под кровом вигвама моего отца, он полюбил меня, научил понимать ваш язык, а по вечерам при свете огня в хижине стал посвящать меня в тайну рас-

[4] Известно, что Шамплен был вынужден провести зиму 1616 года в стране гуронов и был гостем одного из главных вождей по имени Даронталь.

познавания видимых знаков мысли в ваших книгах. Взамен я повсюду следовал за ним, заботился о его оружии и сопровождал его на охоте, где приносил пользу, неся его боеприпасы и убитую им дичь.

«Я так привязался к нему, что, когда вернулась весна, попросил отца позволить мне сопровождать великого капитана в Стадакону. Это мне разрешили после того, как белый вождь сказал Даронталю, что согласен взять меня с собой и держать возле себя столько времени, сколько я пожелаю.

«Когда лёд, покрывавший великие озёра, сошёл, я спустился по длинной реке вместе с отрядом, сопровождавшим белых.

«Много лун прожил я в Стадаконе возле учёного капитана. Я доучился читать и, наставленный чёрными рясами в вашей вере, омыл голову водой, делающей человека христианином. Я видел, как разрасталось селение Квебек, и участвовал в работах, которыми руководил великий учитель: этот прославленный вождь по праву носил своё имя, означающее плодородное поле.

«Я видел, как лето двадцать четыре раза согревало землю, когда другие белые, враги ваших соплеменников,[5] пришли воевать с нашими друзьями, которые, уступая им числом и ослабев от голода, сдались в плен янги,[6] а те увезли их всех на своих больших лодках за огромное солёное озеро.

«Лишившись второго отца, великого белого капитана, и исполненный ненависти к новоприбывшим чужеземцам, языка которых я не понимал, я бежал на каноэ и вернулся в страну уэндатов.

«Именно тогда красавица по имени Звёздный Цветок встретилась на тропе моей юности и соединила свою судьбу с моей.

«Поскольку после смерти моего отца Даронталя меня больше ничто не удерживало в селении Кархагуба, я был принят в общину моими братьями из Теанаустайе, где жила моя жена Звёздный Цветок.

« Четыре года спустя я узнал, что великий белый вождь, друг нашего народа, вернулся вместе с французами и что янги покинули страну. Мне хотелось вновь увидеть прославленного капитана, но в то лето я не смог спуститься по реке. Говорили, что ирокезы подстерегают нас на пути. Пришлось ждать следующего времени года. Увы, когда я добрался до Квебека, великий вождь был при смерти. Он узнал, что его сын Чёрный Лис просит встречи с ним, и велел привести меня к себе.

Он долго говорил со мной: «Слушай меня внимательно, сын мой, — сказал он. Я наставил тебя в христианской вере и научил многому, чего не знают твои братья. Тебе предстоит продолжить среди них моё дело. Чтобы вывести твоих соплеменников из невежества, в котором они прозябают, в ваши селения отправятся миссионеры и станут учить гуронов религии и обычаям белых.

Ты знаешь все их преимущества и должен будешь помогать чёрным рясам в их трудах и добиваться, чтобы ваши воины приняли их среди себя».

«Он ещё не раз говорил со мной так и взял с меня клятву повиноваться ему. После этого душа великого капитана спокойно отправилась в страну теней.

«Я сдержал данное ему слово. Чёрные рясы пришли просить гостеприимства у моих братьев, которых я убедил позволить миссионерам поселиться среди нас. Это далось нелегко. Колдуны нашего народа, предвидевшие утрату своей власти, прибегали ко всем возможным средствам, чтобы изгнать чёрные рясы. Но усилия тех немногих христиан, что уже были среди нас,

---

[5] Киртк и английские войска в 1629 году.

[6] Английское слово было слишком трудно произнести устами дикаря. Поэтому ирокезы и гуроны говорили Yangees, откуда произошло слово Yankees.

и мужество миссионеров в конце концов привели к преобладанию христианской веры в наших селениях.

«Прошло много лун и лет, и старший из моих одиннадцати сыновей уже видел восемнадцать вёсен, когда мои воины предложили мне спуститься в Труа-Ривьер, чтобы торговать мехами. Мы давно туда не ходили, потому что после смерти моего второго отца, Шамплена, ирокезы своими частыми победами стали грозой нашего народа.

«Мы отправились в путь числом двести пятьдесят воинов, и я был их главным предводителем. Мы спустились по реке, не встретив ни одного врага. Приближаясь к форту Труа-Ривьер, мы завели каноэ в прибрежные заросли камыша, чтобы принарядиться по-праздничному и обновить татуировки, прежде чем показаться французам. Пока мы были этим заняты, наши часовые издали боевой клич. Большой отряд ирокезов шёл на нас в атаку.

Мы схватились за оружие, и после короткой схватки ирокезы обратились в бегство. Мы преследовали их и многих взяли в плен. Немало их было убито.

«В Труа-Ривьер мы обменяли меха и отправились домой торжествующими и радостными, с поясами, увешанными скальпами побеждённых. Увы, вскоре нам предстояло узнать, что лучше было бы остаться в нашем селении и защищать свои семьи».

Здесь Чёрный Лис ненадолго умолк. Казалось, он хотел собраться с силами, чтобы поведать о мучительных событиях, о которых ему ещё предстояло рассказать.

Уже некоторое время Морнак казался рассеянным. Он то и дело оборачивался, чтобы посмотреть в окно, возле которого сидел. Ещё до того, как Чёрный Лис сделал эту паузу, шевалье наклонился к Жолье и быстро прошептал ему на ухо:

— Посмотрите-ка в сторону частокола, окружающего дом. Мне кажется, там над остриями кольев движется что-то похожее на человеческую голову.

— Тсс! — произнёс Жолье. Смотрите, не напугаем дам. Будем наблюдать молча и украдкой.

В эту минуту две большие сторожевые собаки, спавшие во дворе, принялись лаять.

Женщины, вздрогнув, переглянулись.

— Неужели они чуют врагов? — спросила госпожа Гийо, невольно побледнев.

— Собаки лают на восходящую луну, — ответил Жонкас.

Лунный серп серебрил лазурное поле ночного неба над высокими неподвижными деревьями.

— Я больше ничего не вижу, — продолжил Морнак вполголоса. Голова исчезла.

— Вам показалось, — отозвался Жолье тем же тоном.

Собаки больше не лаяли, но глухо рычали.

— Продолжайте, пожалуйста, вождь, — громко сказал Жолье, чтобы рассеять страх, уже начинавший овладевать женщинами.

Пока Морнак, вполоборота к окну, продолжал с виду небрежно поглядывать наружу, Чёрный Лис возобновил рассказ.

«— Мы были ещё в одном дневном переходе от Теанаустайе, или Сен-Жозефа, главного селения нашего народа, где я жил со Звёздным Цветком и сыновьями, когда, высадившись на берег для ночлега, встретили бедного старого воина из нашего селения. Он был тяжело ранен и едва мог передвигаться. Увидев нас, он принялся горестно стонать.

«Мои сыновья, — воскликнул он, — словно радуются, тогда как им следовало бы выплакать все свои слёзы!» Мы решили, что от слабости у него помутился рассудок.

Он это заметил и сказал нам: «Плачьте, о сыновья мои! Оплакивайте своих убитых жён и детей; оплакивайте погибших старейшин нашего народа! Теанаустайе больше нет! Ирокезы сожгли наши хижины, застигнув врасплох и убив всех их жителей! Сам я был ранен, но сумел вырваться и добраться сюда, где уже несколько дней тащусь вперёд, умирая на каждом шагу.

«В ответ на эту страшную весть раздался вопль скорби, за которым последовало мрачное молчание.

«Вот что поведал нам раненый, когда мы наконец смогли его слушать.

«Несколькими днями ранее,[7] когда утреннее солнце золотило кукурузные поля вокруг мирного селения, группы девушек болтали в тени вигвамов, старухи толкли зерно в деревянных ступах, а голые дети возились в пыли вперемешку с собаками, лежавшими на солнцепёке, тишину, царившую в селении, прорезал крик ужаса.

— «Ирокезы! Ирокезы!

«В селение только что ворвался большой отряд вражеских воинов.[8] Немногие боеспособные мужчины, оставленные охранять селение, попытались схватиться за оружие и оказать сопротивление. Их убили первыми. Чёрная ряса, жившая в Теанаустайе, которую белые называли отцом Даниэлем, а мы — Ашиендасе, пыталась собрать защитников, обещая небеса тем, кто умрёт за свои семьи и свою веру.

Несколько стариков окружили его вместе со всеми женщинами и детьми. Именно когда он крестил тех, кто ещё не был христианином, его убили выстрелом из аркебузы.

«Убив немногочисленных защитников, находившихся в селении, ирокезы обрушили свою ярость на женщин, детей и стариков и подожгли все вигвамы.

«Когда от селения осталась лишь груда дымящегося пепла, враги ушли, уведя более семисот пленников, многих из которых убили по дороге домой. Гораздо больше людей было зарезано внутри селения.

«Этот скорбный рассказ поверг нас в глубочайшее уныние.

«На следующий вечер мы прибыли туда, где ещё недавно стояло Теанаустайе. Вместо торжественных криков, празднеств, радостных женщин, которые должны были встретить нас при нашем славном возвращении, мы нашли только развалины, смерть и опустошение.

«Там я оставил мою бедняжку Звёздный Цветок и семерых её младших детей. Четверо старших сыновей сопровождали меня в Труа-Ривьер. Молча мы сели среди неузнаваемых останков наших истреблённых семей. Так мы провели ночь, недвижные, склонив головы и глядя на ещё дымившийся пепел нашего селения. Слёзы и стоны приличествуют лишь женщинам; скорбь воинов должна быть гордой и сдержанной.

«На следующий день мы нашли убежище в селении Тохотаэнрат (Сен-Мишель), ближайшем к нашему уничтоженному селению.

«Там я узнал, какая судьба постигла несчастную Звёздный Цветок. Ей удалось бежать в лес вместе с детьми и спрятаться в густом кустарнике, где она считала себя в безопасности. Ирокезы охотились на беглецов, словно на диких зверей. Они прошли возле места, где притаилась дрожавшая от страха мать. Эти псы не заметили её и прошли бы мимо, если бы её младший ребёнок не заплакал. Она попыталась заглушить плач несчастного малыша, который выдавал её.

Ирокезы услышали плач и бросились на добычу, точно взбесившиеся волки. Они забили мою бедняжку Звёздный Цветок ударами томагавков, прежде убив у неё на глазах наших детей, которым разбили головы о ствол дерева. Лишь один из детей, которого они приняли за мёртвого, позднее пришёл в себя и рассказал мне об этих ужасных несчастьях».

Чёрный Лис, взволнованный этими страшными воспоминаниями, снова ненадолго умолк. В его необычном выговоре, в глубоком голосе, дрожавшем от волнения, слышалось нечто мрачное, мучительно сжимавшее души слушателей. Все словно ловили каждое его слово и слушали молча. Жена Жонкаса забыла вращать прялку, а сам Жонкас продолжал курить погасшую трубку. Госпожа Гийо опустила вязанье себе на колени.

---

[7] Утром 4 июля 1648 года.

[8] Фрэнсис Паркман, «Jesuits in America».

Жанна де Ришкур отрывала свои большие, увлажнившиеся глаза от причудливо татуированного лица Чёрного Лиса лишь затем, чтобы взглянуть на тень индейца, ложившуюся на стену и поднимавшуюся к потолку, где прядь волос, торчавшая на макушке гурона, зловеще колыхалась на красноватом фоне тусклого света, отбрасываемого коптящей свечой.

Во время этой второй паузы собаки, прежде умолкшие, внезапно разразились одним из тех душераздирающих завываний, что далеко разносят по ночи невыразимый ужас. Можно было подумать, что это протяжный человеческий стон, вырванный адскими муками.

Тишина, и без того царившая в просторной комнате, становилась тревожной. Каждый украдкой поглядывал на соседа, стараясь скрыть собственное беспокойство.

Морнак, небрежно положив руку на рукоять одного из пистолетов, заткнутых за пояс, и Жолье смотрели наружу. Они не замечали ничего необычного и видели за частоколом лишь широкие воды реки, вдали лениво колыхавшиеся в голубоватом лунном свете.

После протяжного воя голоса собак вновь стихли, перейдя в угрожающее рычание, и Чёрный Лис продолжил глухим, безрадостным голосом:

«В наступившую затем снежную пору я старался убедить наших воинов быть осторожнее, чем прежде, и охранять окрестности селений, чтобы враги не застали нас врасплох. Поначалу они слушали меня; но гибельная беспечность, погубившая наш несчастный народ, вскоре снова взяла верх, и они в конце концов стали пренебрегать словами вождя, более опытного, чем все они. Сыновья предупредили меня, что даже против меня начали роптать.

Меня обвиняли в том, что я стал причиной всех бедствий, обрушившихся на нас. Говорили, будто с тех пор, как Чёрный Лис привёл с собой миссионеров, Великий Дух словно покинул наш народ. Эти слухи распространяли колдуны и язычники.

«Зима кончилась, и весеннее солнце растапливало последние снега вокруг наших хижин, когда четверо моих старших сыновей отправились повидать чёрные рясы, Бребёфа и Лалемана, которых мы называли Эшон и Ашиендасе и которые жили в Атароншрононе (Сен-Луи). Со мной оставался только младший из моих детей, раненный в Теанаустайе.

«Прошло три дня с тех пор, как сыновья покинули меня, когда однажды утром[9] мы увидели вдали густое облако дыма, поднимавшееся над деревьями, ещё лишёнными листвы.

«Из наших грудей вырвался протяжный крик отчаяния: „Ирокезы! Они жгут Сен-Луи!“

«Мы молча смотрели на клубы дыма, перемешанного с пламенем и вздымавшегося к небу, когда увидели двух наших братьев, бежавших из Атароншронона. Они запыхались и казались охваченными ужасом. Наши опасения оказались вполне обоснованными. Ирокезы только что сожгли Сен-Луи, прежде уничтожив Сен-Игнас и перебив жителей обоих селений.

«Я подумал о четверых сыновьях, которых, должно быть, застали врасплох и убили в Атароншрононе, и сердце моё пронзила страшная боль. Надеясь спасти их, если было ещё не поздно, или хотя бы отомстить за них, я умолял воинов Тохотаэнрата пойти со мной на битву против наших врагов. Они не пожелали меня слушать и осыпали проклятиями, говоря, что именно я навлёк на них все эти бедствия.

«Я опустил голову и один вышел из их селения, попросив прежде одну старую женщину позаботиться о моём младшем сыне.

«Сен-Луи находился в двух часах ходьбы к северу от Тохотаэнрата. Я прошёл больше половины пути, твёрдо решив погибнуть от рук ирокезов, когда встретил отряд из трёхсот гуронских воинов. Это были христиане из селений Ла-Консепсьон и Сент-Мадлен, расположенных к западу от Сен-Игнаса и Атароншронона. Вооружившись для боя, они направлялись к Сент-Мари, которой угрожала большая опасность; это селение находилось всего в часе ходьбы от Сен-Луи.

[9] 16 марта 1649 года.

«В Атароншрононе братья рассказали нам, что от Сен-Игнаса и Сен-Луи остались только пепел и трупы. Обе чёрные рясы, Эшон и Ашиендасе, погибли там, благословляя умиравших наших соплеменников.[10]

«Один из беглецов сказал мне, что видел, как четверо моих старших сыновей пали, защищая чёрные рясы.

«Из одиннадцати детей у меня оставался только один!

«У меня не было времени оплакать их. Передовой отряд из двухсот ирокезов приближался, чтобы начать нападение на Сент-Мари. Мы разделились на несколько отрядов, чтобы остановить их. Первый отряд наших воинов был отброшен. Когда ирокезы стали преследовать их, гоня к Атароншронону, я напал на врагов с двумястами гуронами-христианами, избравшими меня своим вождём.

«Застигнутые врасплох, ирокезы, в свою очередь, отступают и бегут укрыться за оградой Сен-Луи. На месте селения уцелел только частокол. Враги ищут за ним убежища. Мы преследуем их и там. Большинство из них убито, остальные спасаются бегством. Мы овладели этим местом. Но ненадолго. Через час главные силы ирокезов обрушились на частокол, выкрикивая свой боевой клич.

«Тогда завязалась одна из самых яростных битв, какие помнят старейшины. Нас оставалось лишь сто пятьдесят человек, способных сражаться с нападавшими на нас семьюстами ирокезами. Но мы хотели умереть, прежде убив как можно больше врагов. Битва продолжалась весь день после полудня. Ночь уже опустилась на землю, а наши боевые кличи и грохот ударов всё ещё далеко разносились по лесу.

Наконец численное превосходство взяло верх, и, когда нас одолели и захватили в плен, вокруг меня оставалось лишь двадцать гуронов, изнурённых ранами и усталостью.

«Ирокезы потеряли больше сотни лучших воинов, в том числе нескольких военачальников. Победа обошлась им дорого.

«Посреди ночи, пока победители забавлялись, пытая некоторых наших людей, я разорвал путы и бежал в сторону Сент-Мари. Я всё ещё жаждал крови.

«Семьсот гуронских воинов выходили из Атароншронона, чтобы преследовать ирокезов. Весь покрытый ранами и умирая от голода, я отправился с ними. Я чувствовал, что у меня ещё хватит сил убивать врагов. Нам так и не удалось настичь врагов, которые бежали, предварительно перебив многих своих пленников.

Мы находили тела наших соплеменников, которых они убили по дороге, а также других, привязанных к стволам деревьев и наполовину обожжённых ветками, наспех наваленными на них.

«Мы вернулись лишь затем, чтобы стать свидетелями бегства объятого ужасом народа. Пятнадцать селений уже были покинуты и сожжены, а семьи и племена разбредались во все стороны. Одни углубились в безлюдные края на севере или востоке; многие отправились искать убежища у народа тионнонтатов в долине Голубых гор; некоторые другие присоединились к нейтралам к северу от озера Эри.

---

[10] Реликвии отца Бребёфа и отца Габриэля Лалемана хранятся в квебекском Отель-Дьё, в келье, превращённой в молельню. До сих пор не было никаких сведений о том, каким образом эти драгоценные останки были подобраны в селении Сен-Луи, в стране гуронов.Вот некоторые ранее не публиковавшиеся сведения по этому поводу, предоставленные нам аббатом Касгреном. Они содержатся в рукописи на монтанье и французском языках, принадлежащей квебекскому архиепископству и составленной отцом Франсуа де Крепьёлем об индейцах миссии Тадуссак.— Выписка из копии циркулярного письма отцу де Крепьёлю о смерти брата Франсуа Мальерба, последовавшей у озера Сен-Жан в апреле 1696 года.«Он был отнят у нас в возрасте шестидесяти девяти лет, из которых сорок два провёл в нашем Обществе. Его призвание началось в стране гуронов, где он находился при наших миссионерах в качестве наёмного служителя, когда отцы Жан де Бребёф и Габриэль Лалеман, святые блаженной памяти, приняли мученическую смерть от ирокезов 16 и 17 марта 1649 года, и он удостоился чести и проявил милосердие, пронеся на своей спине два лье, обожжённые и изжаренные тела этих мучеников веры».Из этого отрывка видно, что именно брат Мальерб собрал эти реликвии, доставил их в форт Сент-Мари и передал там отцам-иезуитам. Там они хранились и, вероятно, были перевезены в Квебек отцом Рагено, сопровождавшим остатки гуронского народа.

«Самая многочисленная группа, в которой находились я и мой единственный оставшийся сын, вновь найденный мною в Тохотаэнрате, удалилась на остров, который мы называли Ахоэндоэ, а чёрные рясы нарекли Сен-Жозеф. Он лежит в большом озере Гурон, у входа в залив Матчедаш.[11]

«Осенью нас там было шесть или восемь тысяч несчастных, лишённых всего. С приходом зимы наши бедствия ещё усугубились. Можно было видеть, как истощённые мужчины, женщины и дети, словно живые скелеты, брели от хижины к хижине, выпрашивая хоть что-нибудь поесть.

«Вскоре каждый день стали умирать десятки людей. Оставшимся в живых всё сильнее недоставало пищи, и они принялись выкапывать мёртвых, чтобы ими питаться. Болезнь довершала дело голода. До наступления весны половина изгнанников на острове Ахоэндоэ умерла. Мой последний сын, поражённый ужасной болезнью, умер у меня на руках, когда таяние снегов возвещало приближение весны. У меня больше не было семьи, и я должен был остаться один на всей земле!

«Когда лёд на озере растаял, многие голодавшие уцелевшие переправились на материк в поисках пропитания.

«Но и там ирокезы подстерегали их и перебили всех.

«В то же время мы узнали, что народ тионнонтатов, у которого предыдущей осенью нашли приют несколько наших семей, зимой подвергся нападению наших общих врагов, уничтоживших селение Этарита (Сен-Жан), предварительно перебив там женщин, стариков и детей в день, когда все воины отсутствовали, разыскивая ирокезов.

«Тогда ужас достиг предела, и чёрные рясы, мужественно разделявшие все наши несчастья, предложили взять нас с собой и отвезти к форту Квебек, где мы, несомненно, оказались бы в безопасности.

«Нас оставалось всего триста человек, и мы последовали за ними в Стадакону, навеки покидая землю, где кости наших предков и близких должны были покоиться, забытые и оставленные всеми.

«Великий народ гуронов исчез, а менее многочисленный народ ирокезов господствовал в Канаде и внушал страх далеко вокруг.

«Мои братья поселились на длинном острове напротив Квебека. Некоторое время я жил среди них. Но, преследуемый их глухими и несправедливыми упрёками в том, что я навлёк на них бедствия, которых они могли бы избежать, последовав моим советам, я навсегда покинул их и пришёл сюда жить и работать с моим бледнолицым братом (Жонкасом), которого когда-то встретил как друга в наших утраченных охотничьих угодьях.

«Теперь Чёрный Лис остался один из всей своей семьи, и, когда наступает вечер, он часто садится на берегу великой реки, вспоминая тех, кого уже нет и кого он так любил. Иногда вождь исчезает на долгие месяцы, и мой бледнолицый друг не знает, куда я пропал. Но однажды Чёрный Лис вновь появляется под этой гостеприимной кровлей.

Тогда чело вождя становится спокойнее; сердце его бьётся быстрее при виде окровавленного скальпа, который он приносит и прячет в месте, известном лишь ему одному. В этом тайном месте сохнут одиннадцать таких скальпов. С тех пор как я навсегда покинул землю отцов, в окрестностях их селений были найдены мёртвыми одиннадцать ирокезских воинов. Лишь я знаю, как они были убиты во имя мести за моих одиннадцать сыновей, и лишь мне ведомо, каковы были их последние страдания.

[11] Этот остров, расположенный в заливе Джорджиан, ныне носит название Чарити или Кристиан-Айленд. Там ещё можно видеть остатки каменного форта, который иезуиты велели в то время построить для защиты гуронов.

«Мне недостаёт ещё одного скальпа; его я должен посвятить памяти Звёздного Цветка. Я оставил его напоследок. Мне нужен скальп великого вождя. Когда этот трофей будет висеть рядом с прочими, Чёрный Лис сможет умереть спокойно».

Образная речь гурона, своеобразие которой я не всюду мог воспроизвести из опасения, что это помешает ясности рассказа о сугубо исторических событиях, всё ещё держала слушателей под гнётом мучительного волнения, вызванного столь печальной повестью, когда Морнак, с горящими глазами и вздыбленными усами, внезапно вскочил.

Быстрый как молния, он левой рукой распахнул окно, а правой выхватил один из пистолетов и выстрелил, целясь в частокол. Всё произошло так быстро, что мужчины уже стояли на ногах, а женщины вскрикнули как раз в тот миг, когда свежий воздух снаружи гнал внутрь дома пороховой дым, а грохот выстрела раскатывался под гулкими сводами соседнего леса.

В наступившей после этого переполоха тишине снаружи будто послышались тихий крик боли в ответ на выстрел, а затем звук тяжёлого тела, упавшего на землю.

— Чёрт побери! — хладнокровно произнёс Морнак, — я ведь знал, что на частоколе кто-то есть. И я не промахнулся!… Это был военный отряд ирокезов, шедший по следам гуронского вождя и его друзей из Пуэнт-а-Лакай.

— У моего сына горячая кровь, — сказал Чёрный Лис, — и нервы его быстро напрягаются. Погасите этот свет.

* * *

Во второй половине дня тридцатого июня следующего, 1665 года все семьдесят домов Квебека совершенно опустели: их жители заполнили улицы маленького города и оглашали воздух радостными криками.

Что же вызвало это ликование и какой великий праздник отмечали в тот день?

Причиной было не что иное, как прибытие монсеньора вице-короля Новой Франции, господина маркиза де Траси, и части полка Кариньян.

Торжество, которое справляли в тот день, было праздником избавления колонии, на помощь которой французский король наконец присылал столь значительные подкрепления.

За десять дней до того, 19 июня, судно «Ле Ганьер» прибыло с первыми четырьмя ротами полка Кариньян, и в эту прекрасную вторую половину дня 30 июня они вместе с четырьмя другими ротами, высадившимися тем же утром с корабля, доставившего господина маркиза де Траси, выстроились двумя рядами у большой церкви и на подъёме Ламонтань.

Вдруг со стороны Нижнего города послышались барабаны, бившие сигнал приветствия, и пронзительные звуки флейты-пикколо, весёлыми трелями взлетавшие над гуронским фортом.

Монсеньор вице-король только что ступил на берег.

При этом долгожданном сигнале соборный пономарь повис на верёвке большого колокола, между тем как колокола семинарии, иезуитского коллежа, монастыря урсулинок и госпиталя Отель-Дьё присоединили свои более тонкие и частые голоса к голосу старшего собрата и тоже затянули гимн радости.

По мере того как монсеньор и его свита продвигались вперёд, всё громче раздавались приветственные возгласы, всё дальше распространявшиеся по Церковной улице.

Вдруг из-за угла епископского дома показались двадцать четыре конных гвардейца. Желая почтить своего представителя, Людовик XIV распорядился, чтобы гвардейцы господина де Траси носили королевские цвета. И в самом деле, дивно было видеть, как золото и серебро словно струятся по их роскошным бархатным и атласным мундирам.

А кони, великолепно убранные и радовавшиеся тому, что после долгого плавания наконец обрели свободу на твёрдой земле, шли, горячо и грациозно перебирая ногами, и нетерпеливо грызли удила, нисколько не заботясь о том, что пачкают золотую и серебряную отделку.

За двадцатью четырьмя гордыми гвардейцами следовали четыре пажа, одетые не менее богато, чем те.

Наконец в сопровождении лакеев появился сам вице-король. Это был красивый старик с воинственной и внушительной осанкой. Упираясь правым кулаком в бок по-королевски, с белым плюмажем широкой, сплошь обшитой золотым галуном шляпы, едва касавшимся его плеча, он левой рукой сдерживал коня и ехал вперёд, приветствуя колонистов, которые наперебой возглашали ему приветствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.